

В статье рассматриваются теоретические положения и основные характеристики архитектурного пространства, и антагонизм концепций «места» и «не-места» на примере архитектуры города Курска. Предметом исследования стали противоречия в застройке современных городов, с одной стороны стирающие индивидуальные черты, а с другой, демонстрирующие выраженное стремление апеллировать к исторической памяти места. Можно говорить об актуализации проблемы раскрытия культурной самобытности места, направленной на формирование чувства сопричастности к прошлому, на сохранение и реконструкцию исторических объектов, а также на создание архитектуры, находящейся в симбиотическом единстве с природно-историческим контекстом.

Ключевые слова: архитектурное пространство; концепция «места»; концепция «не-места»; ощущение пространства; история.

The article deals with the theory, the main characteristics of the architectural space and the antagonism of the concepts of "place" and "non-place" on the example of Kursk architecture. The subject of the study is the contradictions in the development of modern cities that, on the one hand, erase their individual features and, on the other hand, demonstrate a significant tendency to appeal to the historical memory of the place. The article actualizes the problem of revealing cultural identity of the place focused on the formation of a sense of belonging to the past, preservation and reconstruction of historical objects, as well as creation of new architecture, which forms a symbiotic unity with the natural and historical context.

Keywords: architectural space; the concept of "place"; the concept of "non-place"; sense of space; history.

Антагонизм концепций «места» и «не-места» в архитектуре / Antagonism of the concepts of "place" and "non-space" in architecture

Введение. Онтологические основания архитектуры априори коренятся, прежде всего, в двух ее противоположных интенциях, одна из которых направлена на удовлетворение необходимых утилитарных потребностей человека, а другая – на создание духовных, художественно-эстетических ценностей. Архитектурный объект – это материальное сооружение, обладающее художественными качествами. Решение прагматических задач, направленных на пространственную организацию социальных процессов с разработкой функциональной и конструктивной структуры объекта, составляет неразрывное единство с творческой стороной осмысления действительности, которая раскрывается в художественно-символическом образе архитектурного произведения. Нарушение противоречивой целостности, колебание устремлений в сторону прагматического (технического) или наоборот эстетического (художественного) характеризуют направления развития архитектуры XX века – модернизм и постмодернизм, объединивших всю разнородную и разнообразную совокупность архитектурных течений.

Руководствуясь в поиске истины принципом релятивизма, подразумевающего хотя бы две стороны для сравнения, теоретики и философы архитектуры обращались к антагонизму дихотомного напряжения связи пространства и времени, влияния глобального и локального, стремления к индивидуальности и универсальности, анализу стилевых унитаризма и плюрализма и т. п. «Согласно пифагорейцам, мир образуется в процессе гармоничного устройства противоположностей и в результате принимает форму шара» [1, с. 132]. Именно противоположностей противопоставлений предельного и беспредельного, по мнению пифагорейцев, дает начало ряду производных противоположностей гармонии – статики и динамики, симметрии и асимметрии, единства и множественности, контраста и нюанса и т. д.

Антагонизм мышления, апеллирующий к различным сферам жизненного опыта и истории, культурным традициям и географии, опирается на различные модели представлений и преобразований прежде всего из области естественных и гуманитарных наук. «Разрушение метафизической парадигмы «сняло» целевую установку финального синтеза гипотетической «истинной картины

мира», заменив ее многообразием «интерпретирующих версий»; сама «логика» под воздействием наступающего гуманизма изменяет свою природу, проникаясь герменевтикой или поэтикой» [2].

Таким образом, в историческом процессе развития архитектуры можно выделить две относительно самостоятельные, противоположные по смыслу тенденции: во-первых, универсально-историческая тенденция абсолютного движения становления (тенденция развития и совершенствования архитектуры); во-вторых, социоцентристская тенденция относительного движения становления (тенденция замыкания исторического процесса на наличный конкретный социокультурный контекст данного места). Специфические мотивы архитектуры формируются под влиянием месторасположения в пространстве и исторического времени, социального устройства и культурных традиций, уровня развития науки и технического потенциала.

Универсальность идей и их единовременное возникновение и распространение в социальном пространстве иллюстрирует теория «коллективного бессознательного» Карла Густава Юнга, в которой автор пишет, что культурные архетипы «в виде символических образцов живут в мифологии разных народов» [3, с. 124]. Присутствие архетипов в виде универсальных или специфических кодов в нашем настоящем, исходя из цивилизационного критерия преемственности развития, обосновывал советский философ и культуролог Михаил Константинович Петров. Рассматривая культуру как социальный текст, он указал на возможность его кодирования. «Социокоды интегрируют знаковые системы культуры, составляют механизм регламентации содержания и развития исторически сложившегося культурного типа. Таким образом, как и сами цивилизации, их социокоды сопричастуют в нашей нынешней жизни, в современной культуре или в виде универсального, или в виде уникального» [4]. Двойственность такого подхода подводит нас к концепциям «места» (с позиции уникальности и специфической идентичности) и «не-места» (стирание отличительных качеств и свойств, тиражирование стандартизированных универсальных типов).

текст

Ольга Воличенко
Юго-Западный государственный университет
Марина Звягинцева
Юго-Западный государственный университет /
text
Olga Volichenko
Southwest State University
Marina Zvyagintseva
Southwest State University

> Рис. 2. Курск. Точечная застройка в городе

Архитектурное пространство. Тенденция функционализма, превратившаяся в универсальную, глобальную идею разрешения проблем и противоречий общества, строилась на принципах рациональности, целесообразности и обоснованности. Массово тиражировались устойчивые стереотипы, в которых «<...> функционально оправданная форма была построена на подчинении всей архитектурной композиции, всего архитектурного выражения строго определенным утилитарным функциям, вне которых нет и архитектурной формы» [5, с. 21]. Эстетика целесообразности приводила к вытеснению архитектурного творчества, потери его содержательной стороны. Разрешение данной проблемы венгерский художник и искусствовед Ласло Мохоли-Надь видел в постижении «ощущения пространства», выдвигая его в качестве

основного критерия архитектурного творчества (рис. 1). В архитектурном пространстве он выделяет не только видимые физические величины и свойства (объективная реальность), но и скрытые кинетические качества (невидимые силовые поля и линии движения, пронизывающие пространство, должен не только оптимально учитывать его функциональное назначение и конструктивную структуру, но и создавать атмосферу «ощущения пространства», принимая во внимание социальный и культурный контекст, местные традиции и т. п. «Поиски образности через стиль ничего не дадут, без решения этих задач пространство здания – лишь «сцепление пустот»» [6, с. 137].

Известный американский теоретик Рудольф Арнхейм полагал, что творчество эквивалентно образному

> Рис. 1. Л. Мохоли-Надь.
а) Великая машина эмоций, 1920; б) Ядерный I, 1945

^ Рис. 3. Тульская обл., с. Моховое. Музей «Куликово поле». Архитекторы С. В. Гнедовский (рук.), А. Любимкин, Е. Любимкина, И. Бушминский при участии А. Бехтиной, Е. Хромовой, И. Лапина. 2016 [14, с. 116]

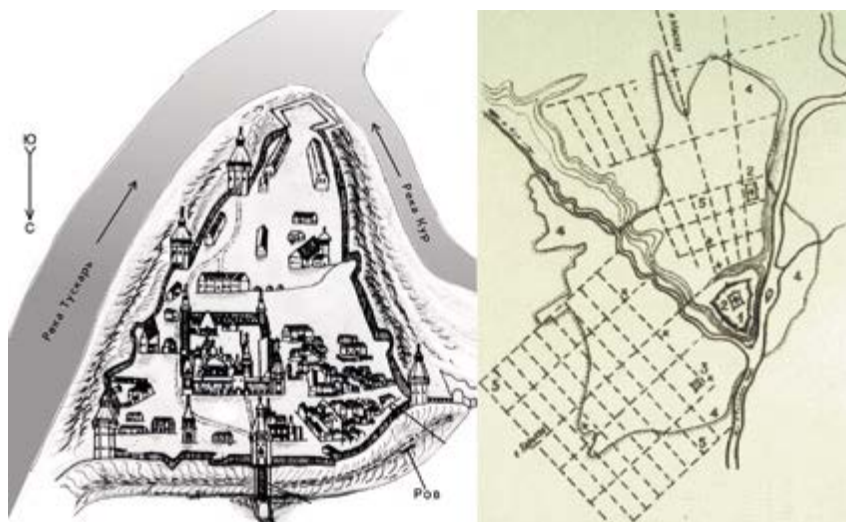
мышлению, в котором процесс восприятия и творчества сливается воедино. Он считал невозможным понять архитектурное пространство без учета воздействия некоего силового поля, которое «излучают» здания, обозначив его термином «визуальное поле». Мощностное поле у вертикальных объемов по сравнению с горизонтальными более значительна, что объясняется психологией восприятия человека, склонного преувеличивать вертикальные размеры и приуменьшать горизонтальные. Р. Арнхейм отмечал, что «окружение, спроектированное как единое целое, являет систему более высокого порядка, чем нарастающее фрагментарно, как это происходит в большинстве реальных поселений» [7, с. 12]. В настоящее время точечная, фрагментарная застройка, не учитывающая сложившегося контекста среды и характерная для большинства городов, разрушила не только ясность восприятия большинства архитектурных ансамблей, но и имеющуюся городскую инфраструктуру, создав множество трудноразрешимых проблем (рис. 2).

Как уже неоднократно говорили и писали многие специалисты – архитекторы, конструкторы, экономисты, юристы и т. п. – «<...> потребность в точечной застройке не оправдана интересами граждан и, прежде всего, проистекает из стремления инвестора (строительной фирмы) получить дополнительную прибыль – не надо расходовать средства на коммуникации (водоснабжение, энергообеспечение), имеется облегченный доступ на строительную площадку» [8, с. 49]. С другой стороны, точечное заполнение города в целях эффективного землепользования является необходимой реальностью, без которого невозможно обойтись. Однако это должно быть вдумчивое и осторожное вмешательство, построенное на глубоком аналитическом исследовании окружающей предметно-пространственной среды, способствующее восстановлению и повышению привлекательности района строительства для жителей, а не просто объем примитивной архитектуры, уничтожающий существующее благоустройство и озеленение, с дополнительной нагрузкой на инфраструктуру.

Норвежский теоретик архитектуры Кристиан Норберг-Шульц считал, что сугубо прагматические подходы к организации предметно-пространственной среды приводят

^ Рис. 4. Курская область, с. Свобода. Мужской монастырь, Коренная пустынь, 1597

^ Рис. 5. Курск. План кремля, 1722; генплан города, 1782

> Рис. 7. Курск. Исторический центр города

к упрощению и безликости создаваемого пространства. Взаимодействие окружающей среды и архитектурного объекта должно быть содержательным, прочитываться или расшифровываться как некий код, раскрывающий архитектурную идею, художественный язык которой «впитал» уникальные качества места. В таком случае место превращается в своеобразную декларацию идей, взглядов и убеждений архитектора – социально-политических, культурно-исторических, экологических и т. п.

Концепция места. Места являются частью жизненного пространства и могут предстать перед нами в нескольких ипостасях: в виде цели, к которой мы стремимся; центра обитания и воплощения значимых явлений нашей жизни; пункта отсчета в ориентации и познании окружающей среды. Бинарные оппозиции определяют ориентацию места – вертикаль-горизонталь, спереди-сзади, право-лево, центр-окраина, внутреннее-внешнее, открытое-закрытое, далекое-близкое. «Место воспринимается как средство возможной материализации идеи, как передача определенного «послания» (архитектурной идеи)» [9, с. 6]. Таким образом, совокупность материальных и нематериальных исторических факторов «создает» идентичность любого места, которая может быть значима как для индивида, так и для многих людей.

Пространство и среда как места жизнедеятельности человека интересовали многих ученых; к ним обращались Э. Сурио, М. Хайдеггер, Г. Башляр, О. Ф. Боллнуо,

v Рис. Рис. 6. Панорама г. Курска, 1862 г.

Ж. Пиже, Р. Шварц, К. Норберг-Шульц, М. Оже и др. Французский философ Этьен Сурио обращает внимание на то, что пространство становится местом только тогда, когда оно «выделено» каким-либо событием или объектом (рис. 3).

Архитектурный объект может привнести уникальный колорит и придать окружающему пространству качества самобытности и индивидуальности, что обуславливает «рождение и появление» места. «Конечная цель архитектуры – помочь человеку сделать его пребывание в обитаемом пространстве поэтическим» [10, с. 176]. Реальное представление о мире, по мнению М. Хайдеггера, человек получает только тогда, когда «он включен в произведение» – только в совокупности с окружающей природой (местом) можно «прочитать» и прочувствовать полноту смыслового содержания архитектурного объекта (рис. 4).

К. Норберг-Шульц, рассматривая смысл и специфику архитектурного пространства, подчеркивал наличие в нем «вообразимой структуры», которая предоставляет множество идей (история, события, традиции, культура) для раскрытия уникальности места; позволяет идентифицировать себя с окружающей средой (местом); прочувствовать единение с местом. Английский поэт Уильям Вудсворт, рассуждая об ощущении флера романтизма места, писал: «<...> можно заметить, что определенные места наполняются чувствами, повышающими их ценность, и в качестве мест, воображаемых стали более подлинными, чем в качестве мест реальных» [11, с. 951]. Место обладает индивидуальной или коллективной памятью, оно способно вызывать и стимулировать воспоминания. Французский этнограф Марк Оже, анализируя понятие «места», определяет его основные признаки: идентичность (пространство места характеризует субъект или объект); историчность (историческое прошлое, знакомые люди, объекты и детали и т. д.); связанность (связь между предметами и людьми, принадлежащими данному месту).

Концепция не-места. Если концепция места связана с уникальностью и самобытностью места, позволяющее его легко идентифицировать и позиционировать локальные, индивидуальные, присущие только данному месту характеристики, то противоположная ей концепция не-места рассматривает явления, стирающие все грани

< Рис. 8. а) Проектное предложение «Курск 2032», арх. М. Заутренников, К. Будыкин

непохожести в рамках глобального распространения единых штампов и образцов, приводя к типовой, обезличенной среде. Понятие «не-место», впервые введенное М. Оже в противовес «месту», лишается своего смыслового содержания, перестает отождествляться с историческими событиями, культурными традициями, ощущаться как свое личностное пространство. Вымывается и уничтожается коллективная и индивидуальная память места, отменяя его назначение и превращая его тем самым в не-место. «Если место может определяться как идентифицирующее, связующее (диалоговое) и историческое, то пространство, которое не может себя определить, как идентифицирующее или как связующее, или как историческое, будет определяться как не-место» [12, с. 100].

Результат. Рассмотрим противоборство концепций места и не-места на примере формирования архитектурного пространства города Курска. При первом упоминании этого места оно практически у всех идентифицируется, во-первых, с историей – крупнейшим событием Великой Отечественной войны – Курской битвой, грандиозное танковое сражение; во-вторых, с географией – Курской магнитной аномалией, крупнейшим месторождением железной руды; в-третьих, с уникальным «концертным» пением курских соловьев. На самом деле, по сравнению с первым возникающим ассоциативным рядом, история места намного богаче. Первое поселение, обнаруженное археологами на территории города, относится к верхнему палеолиту XV – XX тыс. до н. э. Первое городище – «протогород» в устье рек Кур и Тускарь был основан в VI – V вв. до н. э., который во II в. до н. э. был разрушен сарматами. Территория вновь осваивается только к первой половине I тыс. н. э. Первое письменное упоминание о Курске относится к 1032 году – времени Киевской Руси; именно этот год официально считается датой основания Курска. Двойственную природу истории существования города можно кратко выразить оппозицией «мир – война». С одной стороны, приграничное расположение города (на границе Киевской Руси, затем Литвы, и, наконец, Российского государства) обусловили непрерывные разорительные военные сражения, а с другой стороны – расположение на перекрестке торговых путей обеспечивало возрождение, процветание и бла-

госостояние (с начала XVII в. – это место проведения ежегодной всероссийской Коренной ярмарки). С 1779 года он становится центром одноименной губернии.

Идентификация места. Исторический центр города располагается на холме, где ранее размещалась доминирующая над окружающей местностью крепость-кремль Курска. Треугольное в плане укрепление с востока и запада защищали обрывистые русла рек Кур и Тускарь, а с северной стороны – глубокий ров (рис. 5). Деревянная крепость неоднократно разрушалась и вновь отстраивалась, а в 1615 году в честь успешной обороны и избавления от польско-литовского войска в ней был основан Знаменский монастырь. По генеральному плану 1782 года на месте засыпанного рва была организована Красная площадь. В честь победы в Отечественной войне 1812 года был заложен и спустя 10 лет построен большой Знаменский собор, который долгие годы вместе с други-

в Рис. 8. б) Проектное предложение «Курск-2032», арх. Е. М. Богомаз

> Рис. 9а, б. Курск.
Торговый центр

ми многочисленными православными храмами формировал силуэт городской застройки. Вокруг храма были построены монастырские службы и кельи для монахов – «Братский корпус», административные здания города – присутственные места и мужская гимназия (рис. 6).

Сформировавшийся к началу XX в. исторический центр города имеет четко выраженную «вообразимую структуру», которая прочитывается в системе пространственных отношений, основными элементами которой являются земля и небо, вода и растительность, а также мощная энергетика существующих исторических зданий, где преобладает ведущая вертикаль Знаменского собора над протяженными горизонталями окружающих зданий, символизирующих мощь и неприступность древнего кремля. Пространственно-темпоральная структура складывается из развития ритмичных отношений вертикалей и горизонталей, которая накладывается на туго закрученную спираль ретроспективы исторических событий, разворачивающихся на этом месте (рис. 7).

К тысячелетию города (в 2032) предполагается провести значительные мероприятия по благоустройству и восстановлению историко-культурного облика центральной части Курска. С целью разработки концепции и плана реновации был проведен открытый архитектурный конкурс, в котором архитекторы постарались, каждый по-своему, прочувствовать атмосферу прошлых эпох. Основная задача, стоявшая перед проектировщиками – создать современное комфортное пространство для горожан, сохранив «дух места», его сакральный смысл и историческую неповторимость, воссоздав утраченный образ зданий и наполнив их новым функциональным содержанием (рис. 8а, б).

Новая архитектура зданий общественного назначения должна была не затмевать историческую застройку, а выступать фоном ее восприятия, грамотно расставив визуальные акценты. Проектные предложения учитывали: 1) объективные пространственные характеристики места (размер, рельеф, объекты реновации, архитектурный стиль, цветовое решение, территория для нового строительства и т. д.); 2) образ места, сложившегося по историческим и архивным сведениям, картам, чертежам, планам, фотографиям, литературным источникам, средствам мас-

совой информации, живописным произведениям и т. д.; 3) индивидуальные особенности авторского прочтения и ощущения поэтики пространства места, основанном на стремлении «расшифровать» код значимых пространственных ценностей, рассматривая систему в диалектическом движении, дополняя «<...> имеющуюся систему значений чем-то своим, не противоречащим основному коду, сохраняя в итоге существующую структуру действительности» [10, с. 163].

Нивелирование места. Человек становится заложником того места и среды, которая его формирует: архитектура вольно или невольно оказывает воздействие на его сознание, диктует особенности восприятия. Разрушительный характер архитектуры XX в. выражался, прежде всего, в стирании региональной индивидуальности и идентичности места, а также в ограничении разнообразия форм и образов. Типовая обезличенность «бетонной прозы» жилых районов, тиражирование формально-стилистических приемов культурно-деловых центров современных городов уничтожают своеобразие и духовность места. Многократная повторяемость объектов инфраструктуры приводит, как говорил М. Оже, к «взаимозаменяемости городов». Не-место характеризуется отсутствием связей, выражающих идентичность, полной анонимностью и универсальным набором стандартных элементов, обеспечивающих тотальное сходство, бедным и примитивным арсеналом средств выражения. Под идентичностью понимаются новые, лишённые индивидуальности готовые шаблоны, обреченные на унификацию объектов офисных зданий, банков, предприятий, торговых сетей. Множественность копирования брендов, ставшее лейтмотивом современной застройки практически одинаковых, одетых в алюкобонд объемов торговых центров Курска, нивелирует гуманность и уникальность среды (рис. 9а, б).

Заключение. В завершение статьи хочется отметить, что антагонизм уникальности и безликости, концепций «места» и «не-места», рассмотренный на примере города Курска, иллюстрирует проблемы многих городов постсоветского пространства. Богатое историческое прошлое не обретает свою форму и структуру в пространственной организации места и художественно-эстетическом решении архитектурных объектов. Невыразительность,

типичность и безликость, тиражируемость известного и привычного превалирует над вдумчивым и тактичным подходом. Осмысление места и выявление его культурных смыслов при организации пространства становится важной частью предпроектной деятельности, в которой концептуальное проектирование неразрывно связано с углубленным аналитическим исследованием.

Оптимальное комфортное пространство содержит визуальные символы и иконические знаки, обладает ценностями историко-культурными и природными критериями, связано с личностными переживаниями: вызывает воспоминания или создает новые впечатления, идентифицируя и превращая его в уникальное место. «Ведь архитектура и есть одна из важнейших сил, при помощи которых можно сопротивляться ложному обыскуственности мира» [13, с. 39]. Полинаправленность и многослойность «следов» присутствия информационных символов в среде активизирует внимание, интерес и желание прочесть закодированные сообщения. Разнообразие противостоит монотонной, схематичной безликости, появляющейся в результате избыточной простоты и «дефицита изменений».

Литература

1. Асмус, В. Ф. Античная философия. – Москва : Высшая школа, 1976. – 544 с.
2. Спектор, Д. М. К архитектуре пространства: Очерк теории. Часть I // Урбанистика. – 2017. – № 1. – С. 61–82. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22504 (дата обращения: 02.08.2022)
3. Стрельник, О. Н. Основы философии. – Москва : Изд-во Юрайт, 2010. – 312 с.
4. Филатова, А. В. Значения и смыслы понятия «социокода» в современной социально-философской мысли // Гуманитарный проект Руниверс. – URL: <https://runivers.ru/philosophy/logosphere/103772/> (дата обращения: 03.08.2022)
5. Архитектура современного Запада / Ле Корбюзье, Бруно Таут, В. Гропиус, И. П. Ауд, Франк Райт, П. Гильберсейлор и др. ; Общ. ред. и критич. статьи Д. Аркина. – Москва : Изогиз, 1932. – 185 с.
6. Kostelanetz, R. Moholy-Nagy (Documentary monographs in modern art). – New York : Prager, 1970. – 238 p.
7. Арнхейм, Р. Динамика архитектурных форм. – Москва : Стройиздат, 1984. – 192 с.
8. Залесский, В. В. Нужна ли точечная застройка? // Журнал российского права. – 2008. – № 7 (139). – С. 49–58
9. Скопина, М. В. Концепция «места» в современной ландшафтной архитектуре Франции (на примере парков Ла Виллетт и Андре Ситроен в

- Париже) : автореф. ... дисс. кандидата архитектуры 05.23.20 / Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т. – Нижний-Новгород, 2012. – 24 с.
10. Степанов, А. В., Иванова, Г. И., Нечаев, Н. Н. Архитектура и психология. – Москва : Изд-во Юрайт, 2018. – 355 с.
 11. Souriau, E. Vocabulaire d'esthétique. – Paris : PUF, 2010. – 1472 p.
 12. Оже, М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / перевод с французского А. Ю. Коннова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2017. – 136 с.
 13. Капустин, П. Нелинейность развития и ее линейные проекции // Проект Байкал. – 2022. – № 72. – С. 36–45
 14. Объект номера // Проект Байкал. – 2016. – № 49. – С. 113–123

References

- Arkin, D. (Ed.) (1932). *Arhitektura sovremennoho Zapada* [Architecture of the Modern West]. M.: Izogiz.
- Arnheim, R. (1984). *Dinamika arhitekturnyh form* [The dynamics of architectural forms]. M.: Strojizdat.
- Asmus, V. (1976). *Antichnaya filosofiya* [Antique Philosophy]. M.: Vysshaya shkola.
- Auge, M. (2017). *Ne-mesta. Vvedenie v antropologiyu gipermoderna* [Non-places. Introduction to an anthropology of hypermodernity] (A. Yu. Konnov, Trans.). M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Filatova, A. V. (2011, May 19). *Znacheniya i smysly ponyatiya "sociokoda" v sovremennoy social'no-filosofskoy mysli* [Meanings of the concept of "sociocode" in the modern socio-philosophical thought]. *Gumanitarnyj projekt Runivers*. Retrieved August 3, 2022, from <https://runivers.ru/philosophy/logosphere/103772/>
- Kostelanetz, R. (1970). *Moholy-Nagy* (Documentary monographs in modern art). New York: Prager.
- Object of the issue (2016). *Project Baikal*, 13(49), 113–123. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.49>
- Skopina, M. V. (2012). *Koncepciya "mesta" v sovremennoy landshaftnoy arhitekture Francii (na primere parkov La Villett i Andre Citroen v Parizhe)* [The concept of "place" in modern landscape architecture of France (by the example of La Villette and André Citroën parks in Paris)] (05.23.20) [Ph.D. thesis, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering]. N.-Novgorod.
- Souriau, E. (2010). *Vocabulaire d'esthétique*. Paris: PUF.
- Spektor, D. M. (2017). *K arhitekture prostranstva. Ocherk teorii. Chast' I* [To the Architecture of Space: Essays on Theory. Part I]. *Urbanistika*, 1, 61 – 82. DOI: 10.7256/2310-8673.2017.1.22504. Retrieved August 2, 2022, from https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22504
- Stepanov, A. V., Ivanova, G. I., & Nechaev, N. N. (2018). *Arhitektura i psihologiya* [Architecture and Psychology]. M.: Yurajt.
- Strel'nik, O. N. (2010). *Osnovy filosofii* [Fundamentals of philosophy]. M.: Yurajt.
- Zallesskij, V. V. (2008). *Nuzhna li tochechnaya zastroyka? [Is the infill development necessary?]* *Russian Law Journal*, 7(139), 49–58.